

НИКОЛАЙ ИВАНОВ

БРЯНСКИЙ РЕЙД

ПОВЕСТЬ

Бежала уточкой, норovia обогнать свою палку-костыль и удержать от нелегающей пороши брезентовые крылья плаща. Я спешил, но старушка, видать, торопилась ещё больше.

— Ты чего стал? — настороженно заглянула она в приоткрытую щёлочку окна.

— Подвезти?

— А ты меня знаешь?

— Нет.

— Тогда почему стал?

— Снег начинается, вы торопитесь, я еду. Садитесь.

— Но ты точно меня не знаешь?

— Не знаю.

Ветер с разбега швырнул пригоршню снега в машину, на сшитый во времена развитого социализма плащ старушки, её увитую венами руку, лежавшую на клюке.

— Бабуля, время! Едем.

Но она продолжала пристально всматриваться в меня, угадывая породу. Ни на кого в её памяти я не оказался похож, но она просияла в озарении, найдя неопровержимый аргумент в пользу моего возможного коварства:

ИВАНОВ Николай Федорович родился в 1956 году в Брянской области. Закончил Московское суворовское военное училище и факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Воевал в Афганистане, провёл четыре месяца в плену в Чечне. Автор более двадцати книг прозы и драматургии, лауреат литературных премий им. Н. Островского, М. Булгакова, "Сталинград", ФСБ России. Сопредседатель правления Союза писателей России. Награждён орденом "За службу Родине в ВС СССР" III ст., медалью "За отвагу". Живет в Москве.

— А почему тогда другие проехали мимо и не стали?

О-о, святая простота!

— Ну, не знаю я, бабуль. Меня подвозили — я подвожу. За других не отвечаю. Поедете? — перебрисил на заднее сиденье бутылки из-под пива.

— Но ты точно меня не знаешь?

— Точно. Не знаю.

Глянула на небо, по сторонам, открыла дверцу. Прежде чем сесть, сбросила дождевик, как в деревне снимают галоши перед тем, как войти в дом. Смотрела брезент в рулон, прижала к животу: если испачкает, то себя. Осторожно усевшись, двинула зажатой меж колен клюкой, словно штурвалом в самолёте, — вперёд.

Только набирать по здешним дорогам крейсерскую скорость — оставить на ней подвеску или вылететь в кювет.

— А что это у вас дороги такие разбитые?

— Так война ж была.

Не шутила, не ехидничала — правду говорила и сама верила в это.

Скрывая улыбку, отвернулась к окну. Молоденькие деревца, летом зелёными солдатиками бежавшие по косогору в атаку, сейчас, убелённые седым инеем, выходили из боя по колено в снегу.

Война так война. “Мы вели машины, объезжая мины”... Сократил на свою голову дорогу по просёлкам! Хотя и здесь народ тоже куда-то спешит.

— И куда можно торопиться в такую погоду?

— Так снег же понедельник не отменял! А у меня дед только по ним круглый год на рыбалке. А нынче очки забыл. Несу вот, а то без них и без меня — как слепой. Чего отказываться от правды: крайней-то я окажусь, что не проверила.

Похлопала по карманам: не попутал ли бес и её? Вытащила перевязанный резиночкой очечник, как в шкатулочку, заглянула внутрь. Порылась в ворохе бумажек, оказавшихся под очками. Ноготком выцарапала с самого низа сотенную, удивилась, в дедовы же очки проверила её на свет. Укоризненно посмотрела на меня. Ясно, отвечать за поведение всего мужского населения страны тоже мне...

— А божился на иконе, что потерял. Вот теперь будет ему ни дар, ни купля, — затолкала бумажку в карман кофты, зашпилила личный сейф булавкой. — Сам-то где живёшь?

Ехали в сторону Украины, я кивнул назад:

— В России.

— А я дома. Пятистенник. Пятерых и родила, каждому по стене. Да только разбежались все. Кукуем с дедом вдвоём. Ты, видать, такой же. Летун? — ей очень хотелось оправдаться передо мной, чужим для неё человеком, что остались они с дедом одни не из-за плохих детей, а что времена нынче за окном такие.

За стеклом начинающаяся позёмка била в грудь собравшихся на обочине воробьёв. Сугробы, присевшие отдохнуть на поваленные вдоль дороги деревья, приглашали присоединиться, но нам посиделок не надо. Нам вперёд, на киевскую трассу.

Скосил глаза на панель приборов. Цифры в минутах сменяются быстрее, чем в километрах...

— А ты не летай быстрее своего Ангела, — утихомирила попутчица, всё замечая. — Раз сдерживает в пути, значит, хранит от беды, которая может ждать тебя впереди. А мне вон там, около Барыни, останови, — кивнула на железный транспарант с дородной колхозницей, державшей в руках проржавевший сноп пшеницы.

— Почему Барыня?

— Так мы все работали, а она всю жизнь простояла с улыбкой.

— Ясно. Далеко до озера?

— За тремя кустами. Добегу. А то дед заревнует, что на машинах без него разъезжаю, — поулыбалась несбывшемуся. — Спасибо тебе, хоть и не знаешь меня. Авось и тебе когда от людей в нужную минуту воздастся.

Появись, вскрыла сейф, на ощупь распознала его содержимое и положила на панель две конфеты:

— Вместо курева.

Выйдя, раскатала обратно плащ, кивнула то ли мне, то ли небу, благодаря за помощь, и снова побежала, переваливаясь уточкой, к своему слепому деду-селезню. Поймать вам золотую рыбку!

А мне опять навёрстывать время, благо до трассы — тоже три куста. На таких одинаковых расстояниях от пересечения дорог обычно ставят храмы...

Ударить по газам не получилось и на “киевке”. На первом же пригорке, собрав гармошку из нетерпеливых, мальками дёргающихся легковушек, пополз впереди трактор-“петушок”, издевательски кивая всем своим задраным ковшом. Сколько ни имей лошадей под капотом, а подчиняйся второй скорости трактора! Тянись следом, читай указатели, смешавшие красоту и политику, — “Красная поляна”, “Красный бор”, “Красная коммуна”, “Красный колодец”. Не хватало ещё какой-нибудь “Красной синьки” — в Питере в двадцатых годах назвали так завод, выпускавший побелку. Но там был революционный подъём, а тут едешь, как на быке. Давай же, то ли брат, то ли сестра “Беларусь”, мне ещё назад возвращаться!

Рвануться вперёд всем скопом смогли, лишь выскочив на пригорок и получив обзор. Всем скопом внизу нас и остановил своей волшебной палочкой вприпрыжку выбежавший из-за автобусной остановки радостный гаишник. Вот же засада — в прямом и переносном смысле!

Я оказался в веренице последним и мог лишь молча наблюдать, как толстый от наброшенного на плечи бронжилета капитан собирал, словно жирный котяра сметану, паспорта и водительские удостоверения. Вальяжность гаишника убила добрый десяток минут, и пришлось поверх водительского протянуть служебное удостоверение. Усы кота-капитана сжались, но только лишь для того, чтобы сдержать улыбку при старшем по званию. Постучал документами по палочке. А она ведь чёрно-белая, как наша жизнь...

— Скоро у нас будет, как на Кавказе, товарищ полковник.

— А что на Кавказе?

Я только что прилетел оттуда, завтра возвращаться обратно, потому иронии не принял. Хотя интересно услышать о “родных” местах со стороны.

— А там у каждого нарушителя есть оправдательный документ, — поведал капитан. И не преминул подчеркнуть своё пребывание в “горячей точке”. Может, и разговор затевал ради этого.

— Неделю назад в Нальчик летали на усиление. Тормозим парнишу лет восемнадцати. Улыбается: “Я свой”! И показывает листок стандартной бумаги, на котором на ксероксе переснято удостоверение его двоюродного брата из вневедомственной охраны. Так что всё может быть, — капитан развёл руками, размышляя, отдавать ли документы.

В другой раз пояснил бы ему разницу между *парнишей* и полковником, ксероксом и *ксивой*, проверкой документов в Моздоке и лёгкой под огнём артиллерии в Аргунском ущелье. Но я спешу, меня ждёт в госпитале мой друг Лёшка, вызвавший этот самый огонь на себя. У меня нет времени на разговоры с тобой, капитан.

Тот неторопливо заглянул в машину. Сдерживая эмоции, я глубоко вздохнул: всё законно и правильно, сам именно так приучал подчинённых осматривать транспорт. Только вот по замершему взгляду проверяющего понял, что сам же и оставил ему зацепку: бутылки из-под пива! Но не оправдываться, не обращать внимания, перевести разговор...

— Но что мы нарушили? Пошла прерывистая разметка...

— Товарищ полковник, как вы думаете, неужели мы здесь случайно стоим? Там выставлен знак “Обгон запрещён”. Ждите, вызовем, — капитан ещё раз глянул на вещественные доказательства и, пропустив только-только подъехавший трактор, пошёл к спрятанной за автобусной остановкой машине.

Зато поёмка ярым нарушителем дорожного движения пересекала двойную сплошную, вылетала на встречу, переваливала отвал и неслась в снежное нетронутое безмолвие полей. Мне бы её вольницу и безнаказанность... Хотя бы на сутки!

Прикрыл глаза, откинулся на сиденье. Пока всё складывается против того, чтобы я успел к сроку в Севсько — старинный русский город Севск, расположенный на границе с Украиной. Но ведь всё равно успею, иного выхода нет. Просто придётся гнать посильнее. А попутчица правду сказала про опасность впереди. Довёз бы очки до озера — не упёрся бы в “петушка”. Вот и не верь приметам! Хотя и другая пословица есть: “Тише едешь — никуда не приедешь...”

Гудок гаишной машины возвратил к реальности: меня звали. Арестованная вереница рассосалась, только один из водителей звонил по мобильнику, явно поднимая на выручку знакомых. Мне поднимать некого — мои все в Чечне...

Мнущийся около машины капитан мурлыкал в усы песенку, за рулём оказался майор. Это лучше. В одной звезде больше мудрости, чем в четырёх капитанских жажды власти над людьми.

Не ошибся.

— Вы слегка увлеклись скоростью, товарищ полковник.

— Даже не спорю, — поднял я руки.

— Не пили сегодня?

— И вчера нет. Вторые сутки за рулём. И надо успеть к утру вернуться в Москву. Аэропорт Чкаловский — Моздок, — произнёс я паролем путь из точки А в точку Б. Гражданским они ничего не скажут, людям в погонах — это как путь *из варяг в греки*.

Майор понял и оценил, что я не выпячиваю Чечню охранной грамотой.

— Подождите немного, сейчас товарищ отъедет, — кивнул он на звонившего.

Тот уезжать без прав не собирался, зато заглянул внутрь машины капитан:

— Куда Васю?

Майор скосил на меня глаз, но посчитал за своего и отдал распоряжение:

— Гони обратно.

Через минуту мимо нас на гору, подгазовывая себе синими точками-тире, весело побежал “петушок”. Теперь стало ясно: собирать очередную партию лотов. Не знаешь, что лучше: Кавказ с его наглостью или родная глубинка с подвохом...

Мою горькую усмешку майор попытался не заметить, но посчитал нужным оправдаться:

— Самое гиблое место. За смену две-три аварии. А так хоть сдам её без трупов.

Стопка отобранных водительских прав на панели перед стеклом не тянула на свидетельства о смерти, но если она перекроет даже один некролог, капитан-кот не зря слизывает с пригорка свою сметану. Вот только если бы не исподтишка...

— Осторожнее, товарищ полковник. Дорога скользкая.

— Спасибо. Справлось.

Снег кружил уже по-взрослому, с уверенностью, надеясь на свои глубокие тылы. Фуры на трассе начали сбиваться в паровозики, и обгонять их без риска схватить лобовое столкновение сделалось практически невозможно. Но я обгонял — спасибо, товарищ майор, за задержку. Понимаю ситуацию, но самолёт ждать не станет. Но вначале надо добраться до Севска, родины моего друга, которого я подставил под пули.

— Держись, родная, — я сжимался в пружину, чтобы не вильнуть и не цапнуть колесом снег на обочине. Тогда точно принесут цветы, так неестественно алеющие среди дорожных отвалов, и мне. Сейчас нельзя. Никак нельзя.

Ангел, наверное, выбился из сил попевать за мной. Держись, брат! Сам меня выбрал, не я тебя. С другим бы наверняка лежал на диване...

Самыми одинокими, несмотря на их прокол с ГАИ, на зимней трассе кажутся автобусные остановки. Но когда впереди замаячила маленькая фигурка, сгорбленным столбиком стоящая у дороги, я закачал головой: не-ет!

Я что, один на всей трассе? А если бы не приехал? Все бы так и остались стоять и бежать своим ходом? Подберут те, кто не так спешит...

Сзади накатывали железнодорожным составом фуры. А стоял, кажется, пацан. Что ты тут делаешь в снегопад? Тоже на рыбалку или уже с неё? По-дарю Лёшке после госпиталя удочку, приедем с ним на его Брянщину и за-сядем у лунки на все дни недели. Кроме понедельника.

— Быстрее! — я выбросил дверцу перед парнем.

В зеркало заднего вида надвигалась снежная круговерть с мощными фа-рами внутри. Они мигнули, предупреждая об обгоне, и я прикрыл глаза: всё, второй раз мне эту грохочущую, клубящуюся в снегу массу не обойти. Па-рень-парень...

Тот, похоже, уже не надеялся, что его кто-то подберёт. В лёгкой кур-точке, кроссовках и вязаной шапочке, паренёк полусогнутым ввалился в ма-шину и остался так сидеть на сиденье, совершенно равнодушный к тому, что с ним будет дальше. Фуры, волнами качая машину, пронеслись мимо, и я направил на нового пассажира все вентиляторы от печки. Пропустив весь за-тор, выехал на дорогу. Возвращаться всё равно в темноте.

Несколько минут мы ехали молча. Паренёк оживал постепенно: сначала зашевелился, потом сел поудобнее, огляделся.

— А я всё равно думал, что кто-то добрый найдётся и не даст замёрз-нуть, — совсем как старушка перед этим, кивнул он мне в благодарность. Протянул руку:

— Лёша.

Пальцы были холодными, но зубы уже не стучали.

— Привет, Лёша. Моего друга тоже так зовут. Сколько же ты стоял?

— Часа два.

— А куда добираться?

— В Суземку. К крёстному.

До поворота на Суземку было километров восемьдесят, после него — ещё тридцать...

— А почему не на автобусе?

— Билет 120 рублей. А мамка дала только пятьдесят три. Водитель не посадил.

— Надо было ехать?

— У меня сегодня день рождения, пятнадцать.

— Поздравляю.

— Спасибо. А крёстный ещё летом обещал подарок. Как вы думаете, что он может мне подарить?

— А он знает, что ты едешь?

— Нет. Но он же обещал!

Господи, в какие дикие края я попал! Что это за страна такая, полная наивных людей, — Брянщина! А если крёстный забыл про обещание? Или, хуже того, лежит пьяный? Или просто уехал, и дом закрыт? Лёха ты Лёха, голова — два уха...

— Бери конфету, — кивнул ему на свой утренний заработок.

Я успел только вытянуть шею и осмотреть колонну, а сосед уже облизы-вал фантики синим языком. Значит, краска на обёртках поганая...

Дорога пошла волнами, сведя видимость к нулю. Рисковать попутчиком в его день рождения стало непозволительно. Ну, и ладно. Передохнём. А ещё лучше — дозаправиться на обратную дорогу и перекусить. Всё равно одина-ково со всеми подъедем к суземскому повороту.

— Перекусим? — кивнул на заправку.

Лёшка недоверчиво поднял глаза, торопливо кивнул, пока я не раздумал.

— Что взять?

— А можно сосиску в тесте? Такие бывают, я знаю.

— Иди, выбирай, пока я заправлюсь.

Именинника я нашёл у витрины — он словно сторожил вождельный бутерброд недельной заветренности.

— Вон она, — прошептал он с облегчением часового, сдавшего пост.

— Садись туда, — кивнул я на дальний столик. Наклонился к девчонке за стойкой:

— Тому парню — хороший кусок мяса. С полной тарелкой картошки. Салат со всей зеленью, какая есть. Ещё... давайте компот с сырниками. И сосиску в тесте. А мне кофе. Покрепче.

За столом Лёшка перегнулся, чтобы не слышали остальные, подпольщиком прошептал:

— Сзади иностранцы сидят. Видите? Думал, хохлы, а прислушался — нет, я по-ихнему не понимаю. Наверное, молдаване.

Подошла девушка с полным подносом, принялась выставлять тарелки. Лёха проводил каждую завистливым взглядом, но увидев свой заказ, облегчённо выдохнул. Однако я сдвинул всё к нему.

— С днём рождения, Лёшка.

— Это мне? Всё? — голос его дрогнул, в глазах показались слёзы. Не удержавшись, покатались по худым щекам, булькнули в компот. — А я еду и есть хочу. Еду и хочу есть...

— Я машину посмотрю, а ты ешь, — я оставил его одного. Кофе можно и в кабине выпить...

Допить я не успел. Утирая рот, выбежал с зажатой в руке сосиской попутчик. Может, боялся, что уеду? Нет, Лёха, ты земляк моего друга. И имена у вас с ним одинаковые! А значит, я тебя не оставлю.

— Там был такой кусок мяса! — убедившись, что я на месте, начал именинник с самого восторженного. Видать, и впрямь мать не смогла наскрести на билет, если парень забыл, когда в последний раз сытно ел. — Такой кусище! Спасибо.

Он улыбнулся счастливо, по-хозяйски уселся на сиденье:

— А я в Москве был, и в кафе, и на метро ездил. Там, чтобы попасть в него, надо сначала карточку купить и приложить к жёлтому кругу. Я два раза проехался по эскалатору — и привык сразу. Только народу там — табуны. Та-бу-ны!

Он ещё рассказывал, как надо вести себя в Москве, чтобы не потеряться, как сторониться цыганок. А главное — не покупать продукты в первом попавшемся магазине. Потому что если обойти несколько, то хоть на пять копеек, но найдётся товар дешевле...

— Лёха, вон поворот на твою Суземку. Люди стоят, значит, автобус скоро придёт. Я бы довёз тебя до конца, но очень спешу. К твоему тёзке, он раненый лежит. Обещай, что сядешь на автобус.

— А пешком и нельзя. Волки завелись. Не дойду.

— Это тебе на билет, — я протянул ему деньги.

Я сидел сбоку, но Лёшка посмотрел вверх, словно они свалились оттуда. А может, чтобы просто проморгаться? Прекращай это мокрое дело, брат! И не заражай других.

— Спасибо за пожертвование.

Тебе спасибо, Лёшка. За твою наивность и открытость. За то, что оказался одного имени с другом, на которого я ненароком, но навёл врага. Я, когда останавливался, не знал, что у вас одно имя. Но пусть получится, что и таким образом я отмаливаю свой грех. Теперь одна просьба ко всем святым: чтобы был дома твой крёстный...

А мне — всё! Лимит остановок исчерпан. Хоть пожар, хоть наводнение, а мой путь — только к колодцу на окраине Севска. Рядом с женским Крестовоздвиженским монастырём. В госпитале Лёшка попросил меня привезти оттуда воды. Не просил, конечно, а лишь помечтал, облизывая сухие губы:

— Воды захотелось. Из нашего колодца...

— Воды просит, — сказал я врачу, когда вошли к нему в кабинет. В углу рядом со скелетом стоял кулер, но я уточнил: — Из колодца, что около дома.

— Это было бы, между прочим, очень кстати, — вдруг поддержал главврач. Себе налил в чашку из кулера. Набросив на скелет халат, поддел поникший череп анатомического пособия, заставляя его гордо вскинуть голову. —

В природе всё просто. Человек на 80 процентов состоит из воды, и её структура полностью совпадает только с той, которую он пил с рождения. Так что если больного питаться пищей, которая окружала его с детства, и пить воду из родного колодца, выздоровление пойдёт значительно быстрее.

В тот же вечер я отыскал военный борт из Моздока на Москву и договорился на обратный вылет. Двухлитровые пластиковые бутылки из-под пива — это для того, чтобы набрать воды Лёшке. И завтра утром я должен стоять с ней на аэродроме, если хочу успеть к повторной операции.

— Сегодня ночью были голубые пакеты, — усмехнулся Лёшка тогда в реанимации. Пакеты для вывоза умерших и впрямь делают разного цвета: чёрные, голубые, золотистые... — Двое ночью захрипели и... А я лежу и приказываю себе дотянуть до утра. Чтобы уж если душа летела над землей, то... на рассвете, а не в темноте. Почему-то это казалось важным...

Уставился в высокий потолок. Однако открылась дверь, и вошёл бог земной — наш военный хирург Васильич. Постучал для меня по часам — ты просил минуту...

— Это я виноват, Васильич, — я уговаривал его накануне прорваться в реанимацию. — Я вышел с ним на связь.

— А мне сказали, что он сам вызвал огонь на себя.

— Да, но всё наоборот. То есть сначала он ушёл со своей группой брать главаря. Трое суток сидел в норе, как мышь. А я не знал. Никто не знал. А тут внучка родилась. Он так её ждал!

Хирург прищурил глаз, прикидывая наш возраст. Да, не мальчики. Но что делать, если на Кавказе воюем мы, деды. В Афгане ждали рождения своих детей, теперь на Кавказе — внуков. Страна не воспитала замены, Кремль с Белым домом, как шерочка с машерочкой, барахтались все эти годы в нефтяных, митинговых и барахолочных проблемах...

— И что? При чём здесь внучка?

Врач намеревался остаться неумолимым. Было от чего: через три дня у Лёшки повторная операция, и лишний раз волновать пациента — всем дороже.

— А я стал выходить на него по связи. Поздравить. Я так часто проби-вался в эфир, что он испугался: что-то случилось. И ответил. И его запеленговали “духи”. Так он из охотника превратился в дичь. Потом уже был бой и — огонь на себя.

— Понятно. Тебе одна минута. Он очень слаб. Дай Бог продержаться критические три дня.

Три дня кончаются завтра. А я пока в 500 км от Москвы плюс полторы тысячи от столицы до Моздока.

Снег чуть поутих, но перемёты лежачими полицейскими пытались сбить скорость. Но только не сегодня и не для меня. Впереди показалась знакомая, нарастающая себе дополнительный хвост колонна. Говорил же, что прийдём одновременно. Слева пошла окраина Севска, и первый купол от Москвы — как раз Крестовоздвиж...

Я не понял, почему вильнул хвостом летящий по трассе снежный вихрь. Но из него выпала, оторвавшись от общей колонны, последняя фура. Машина на глазах — перед глазами — стала крениться, хватать перепуганными колёсами воздух, перегораживая путь. Я летел прямо под этот падающий двухэтажный дом, тормоза бессильно визжали на скользкой трассе, меня закружило, и последнее, что я увидел, — это обрыв. То ли крикнул, то ли подумал:

— Всё!

Последний раз перед опасностью закрывал глаза при первых прыжках с парашютом, будучи еще лейтенантом. Потом запретил себе. Поэтому, раз не помнил, что произошло при падении, значит, потерял сознание. Кратко, на миг, но случилось...

Да и когда пришёл в себя, ничего не увидел: раскрывшийся капот машины закрывал обзор. Прислушиваясь к себе, возможным травмам, повернул голову в сторону насыпи. И понял, что обманывался зря, что я всё же разбился: сверху меня крестила монахиня. С чёрным клобуком на голове,

с большим наперсным крестом поверх мантии и рясы с широкими, развевающимися на ветру рукавами. Значит, наместница монастыря. Может, того самого, Крестовоздвиженского. Но как смогла она так быстро оказаться здесь? Ангел позвал? Хирург зря поднимал голову скелету...

Только как могла подняться на небеса вместе со мной и кабина? Может, я всё же на земле? И жив?

Толкнул дверцу.

К машине, скользя и падая на крутом склоне, торопились люди.

— А должен был перевернуться, — услышал я недоумение в чьём-то голосе.

— И косточки должны были лежать в рядок по насыпи.

Пока же по насыпи от моей машины шла всего одна колея. Значит, правая сторона “Рено” летела по воздуху. Старушка-попутчица не зря назвала меня Летуном. Знать, не подобрали ещё цвет для моего мешка...

— Будь скорость поменьше, перевернулся бы. Как пить дать, — продолжали со знанием дела оценивать мою аварию любопытные.

Фраза напомнила про Лёшку. Снег хотя и спас, приняв меня с машиной, как в ватную стену, но из этого рва теперь не выбраться до окончания века. Они, придорожные сугробы, давно звали меня на посиделки.

Только загорать на морозе, похоже, светило не одному мне. Из разорванного брюха развалившейся поперёк дороги фуры вывалились мешки, перегородив и обочины. Задранные вверх колёса продолжали наматывать время. В голос дрожал треугольным нутром одинокий дорожный знак круглого поворота: ясно, что он не виноват, но дело для России знакомое: наказать невиновных и поощрить непричастных. Тем более что трасса остановилась в обе стороны.

Любопытные разделились: одни шли смотреть фуру, другие оценивали мой полёт. И только матушка, не двигаясь, продолжала шептать надо мною молитву. Я благодарно кивнул, подумав, что надо попросить её помолиться за Лёшку...

— Не вытащим. Перевернётся, — вокруг моей машины продолжали топтаться, утрамбовывая снег, мужики.

Склон и впрямь был слишком крут, и второго фокуса с полётом он, конечно, не допустит. Провиваться вперёд дело не менее гиблое: снег по колёно, за рвом хоть и хилая, но лесополоса, а дальше — заснеженное поле. Единственный выход — оставить машину и добираться в Москву на попутках. Но ведь и попуток-то нет...

— Попробуй завести. На ходу хоть? — посоветовал парень в унтах. Вот так надо зимой собираться в дорогу, по-сибирски. А то вырядился в полусапожки...

Черная ими снег, я залез в машину. Не без тревоги повернул ключ. Есть! Толку от этого никакого, но машина завелась. И на табло горит красным контуром аккумулятор. Ясно, что это второстепенно, но со времён учёбы в суворовском училище мы знали: в армии всё красное несёт опасность.

— Аккумулятор показывает, что разряжен, — открыв окно, прокричал я парню.

— Глуши.

Вслед за “сибиряком” в мотор нырнул шустренький, подпрыгивающий из-за малого росточка мужичок. Наверняка пахал колхозные поля.

— Сделайте что-нибудь, мужики!

Вернулись с уловом, показав всем разорванный ремень генератора. Тут даже если выбраться на дорогу, аккумулятор в одиночку на морозе проработает не более пятнадцати минут. Потом машина заглохнет и превратится в остывающий кусок железа и пластика. Влетел! По всей системе координат!

Зато парень и не думал сдаваться.

— Мужики, у кого-нибудь ремень есть?

Несколько человек пошли к своим машинам, и вскоре с насыпи один за другим прилетело сразу четыре лассо. “Сибиряк” выбрал по размеру самый близкий к оригиналу, снова нырнул под капот. Вернулся из забитой снегом преисподней озадаченный. Одного взгляда на меня ему оказалось достаточ-

но, чтобы понять: я тут ему не помощник. Мужичонка-механизатор тоже втянул голову в плечи, став ниже поднятого капота: в тракторе всё проще, там с матерком — как с ветерком, при одном молотке да отвёртке можно объехать все поля...

— Кто-нибудь помнит схему, как надевать ремень? Здесь восемь шкивов.

Вниз, оберегая копчики, спустилась ещё пара человек. Только бы не бросили, только бы у мужиков получилось! Они стали спорить, рисовать на снегу расположение шестерёнок, угадывая ход ремня. От меня им и впрямь не было никакой пользы, и я вскарабкался на дорогу. Водитель фуры сновал вдоль рассыпанных мешков, оправдываясь перед кем-то по телефону. Пробка росла на глазах. Извини, Лёха... Но я и правда очень хотел тебе помочь...

— Храни тебя Господь, — подошла тихо игуменья. — Ангел-хранитель тебе крылышки подстелил.

Я согласно кивнул. Всё же успел он за мной. Вернусь в Моздок — выпишу ему увольнительную на сутки!

Но во взгляде настоятельницы читалось и осуждение — за скорость — и, чтобы оправдаться, я пояснил:

— К вашему монастырю ехал. Там рядом колодец есть.

— Есть. Вкусная вода. Сами берём из него.

— За ней и ехал. Другу.

— Из самой Москвы? — монахиня взглянула на номер моей машины.

— Из Чечни. Он ранен.

Матушка перекрестилась, зашептала молитовку. Поглядев на застывшие вереницы машин с обеих сторон, отошла, достала мобильник. Если ей на вечернюю молитву, то тоже не успеть. Хорошо, что я ни перед кем не виноват...

В конце пробки, убирая с дороги любопытных, закрутились под вой sireны проблесковые маячки знакомой гаишной машины. Позже всех, но всё равно вовремя. Вызовут тягачи, кран — что-нибудь ведь сделают. Не удалось майору спокойно завершить смену.

Одного взгляда ему хватило и оценить обстановку, и узнать меня. Капитана послал к фуре, мне укоризненно прошептал:

— Предупреждал же — осторожнее!

Я, что ль, хотел этого?

Гаишник не побрезговал спуститься вниз, окунуться вместе со всеми в мотор, вытолкнув плечом мужичонку. Потом нарисовал для “сибиряка” в воздухе загогулину, для гарантии повторив её на снежной схеме. Поднялся обратно, на ходу вытаскивая мобильник.

— Алло, Вася? Трос есть? Дуй на Севский перекрёсток, надо будет протянуть машину по полю.

Через два часа Вася на “петушке” набивал колею по снежной целине, “сибиряк” вырубал окно в просеке, водители, черная туфлями снег, спускались толкать мою “Реношку”. Сверху крестила теперь уже всех игуменья. А по белому полю, словно чёрные воронята, утопая в снегу, шли от Крестовоздвиженского монастыря монашки с бутылками воды...